

САНКЦИОННЫЕ РИСКИ И РЕГИОНАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ (НА ПРИМЕРЕ РОССИИ)

С. П. Земцов

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
119571, Россия, Москва, просп. Вернадского, 84, корп. 9

Поступила в редакцию 06.01.2024 г.
Принята к публикации 19.02.2024 г.
doi: 10.5922/2079-8555-2024-1-2
© Земцов С. П., 2024

В мире расширяется применение экономических санкций и контрсанкций, что несет пространственно неоднородные угрозы для большинства стран. Цель исследования — разработать и апробировать методику оценки подобных рисков на примере регионов России. Для оценки потенциального влияния торговых санкций рассчитывалась доля внешней торговли, приходившаяся на страны, вводившие санкционные ограничения. В ряде случаев она превышала 50% (Ненецкий, Ханты-Мансийский автономные округа, Коми, Мурманская область), что потребовало быстрой переориентации потоков. Производственная импортозависимость высока для Калининградской, Калужской и Ленинградской областей, активно вовлеченных в глобальные цепочки, в частности в автомобилестроении. Санкции против юридических лиц могли создать риски для стабильности экономик домашних регионов, но рост спроса на отечественную продукцию нивелировал это влияние. Уход иностранных предприятий с рынка создавал риски разрыва производственных цепочек, но и предоставлял возможности для развития местного бизнеса: доля компаний из недружественных стран до введения санкций занимала более 20% рынка в Калужской, Московской областях, в Москве, но лишь в некоторых регионах доля иностранных фирм, заявивших о своем полном уходе, превышала 5% рынка: Коми, Самарская, Ленинградская и Московская области. Для комплексной оценки потенциальной подверженности экономики регионов внешним ограничениям рассчитан интегральный индекс на основе вышеупомянутых составляющих. Его значение ниже для регионов с более диверсифицированной отраслевой структурой экономики и внешнеторговых потоков, а наибольшие риски наблюдались для северо-западных территорий России, ранее тесно связанных со странами Европейского союза: Республики Карелия, Коми, Калининградская, Ленинградская, Архангельская области. В 2022 г. в регионах с высоким значением индекса была выше вероятность снижения экономической активности, но в 2023 г. это влияние прослеживается в меньшей мере. По результатам исследования сформулированы некоторые рекомендации.

Ключевые слова:

санкции, регионы России, внешняя торговля, экономическое развитие, импортозависимость, уход иностранных компаний, экономическая безопасность, шокоустойчивость

Введение

В последние годы санкционная политика, то есть введение различного рода экономических ограничений со стороны одних стран и международных организаций в направлении других стран, регионов, отдельных юридических или физических лиц

Для цитирования: Земцов С. П. Санкционные риски и региональное развитие (на примере России) // Балтийский регион. 2024. Т. 16, № 1. С. 23–45. doi: 10.5922/2079-8555-2024-1-2

с целью изменения действий последних, стала значимым инструментом мировой политики. Можно утверждать, что на начало 2024 г. большинство стран мира так или иначе были вовлечены в эти процессы¹. Выросла вероятность того, что любая страна, регион в той или иной форме могут быть подвержены прямым или косвенным внешним ограничениям², которые следует рассматривать как экзогенные шоки для их экономики³. Потому правительства большинства стран мира и региональные власти в последние годы с большим вниманием стали относиться к проблеме экономической безопасности [1; 2]. Соответственно, необходимо понимание масштабов, направлений и последствий возможных угроз, их мониторинг и митигация (снижение влияния), поэтому анализ санкционных рисков становится актуальной и значимой научной темой в ближайшие десятилетия. При этом пандемия 2020 г. показала, что внешние шоки и ограничения для экономики возможны не только в результате целенаправленных действий, но и из-за чрезвычайных ситуаций. Это дополнительно увеличивает актуальность исследования внешних экономических рисков.

В 2022—2023 гг. Россия оказалась подвержена беспрецедентному количеству санкций [3] со стороны преимущественно западных государств: США и зависящих от них стран Европейского союза (ЕС), Японии, Австралии, Канады. Были введены различного рода финансовые ограничения, в том числе отказ от кредитования, инвестирования и страхования грузов, экспорта отдельных товаров, в том числе энергоресурсов, импорта отдельных товаров, в том числе высоких технологий, а также иные ограничения. Страны, осуществляющие подобные действия, все чаще в научной литературе называют недружественными [1], причем в России этот термин получил официальный нормативно-правовой статус⁴. Отдельные компании из этих

¹ В научной литературе под санкциями подразумеваются ограничения с декларируемыми политическими целями [7; 8], но цели могут публично не озвучиваться или быть дезавуированы. Например, почти все страны, имеющие пограничные конфликты, территориальные споры, неконтролируемые территории, так или иначе вводят различного рода экономические ограничения друг против друга, которые не относятся к санкционным, хотя и являются ими по сути, так как направлены на изменение политики. Кроме того, в научной литературе существенно чаще рассматриваются санкции, но реже исследуются инструменты и результаты контрсанкционной политики. Так, Китай планирует ограничить экспорт редкоземельных металлов в ответ на ограничения импорта ряда технологий, ограничения деятельности ряда китайских компаний со стороны США и ЕС после 2019 г. Торговая война между США и Китаем, на наш взгляд, все в большей степени превращается в санкционное противостояние. К тому же кроме негативных санкций есть и позитивные, призванные мотивировать страны на выполнение тех или иных действий. В такой широкой формулировке трудно найти в истории достаточно крупную страну, которая бы не подвергалась внешним экономическим ограничениям, имеющим фактически политические цели, со стороны других стран и международных организаций.

² Судя по последним стратегическим документам США и стран ЕС (USA National Security Strategy, European Economic Security Strategy, Germany National Security Strategy), в которых обозначены многочисленные инструменты ограничений против третьих стран, включая экспортный, импортный и инвестиционный контроль, санкционные, а впоследствии и контрсанкционные меры в мире будут активно расширяться. Вероятно, мировая экономика вступила в новую фазу деглобализации [1] и регионализации, то есть замыкания экономических связей, глобальных цепочек добавленной стоимости в рамках отдельных частей света, стран и регионов.

³ Результаты большинства таких мер не достигли своих политических целей, но влияли на снижение уровня жизни граждан подвергнутых давлению стран [7; 8].

⁴ Распоряжение Правительства РФ от 05.03.2022 г. № 430-р, 2022, *СПС Консультант Плюс*, URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_411064/e8730c96430f0f246299a0cb7e5b27193f98fdaa/ (дата обращения: 19.02.2024).

стран, оказавшись под давлением своих правительств и общественных организаций [4], были вынуждены уйти с российского рынка и закрыть и/или продать свои предприятия в России, свернуть инвестиции [20].

Указанные ограничения, несмотря на заявленные политические цели, на практике создавали угрозу экономическому развитию отдельных регионов России и могли подорвать уровень жизни существенной части их жителей [5; 6], так как требовали времени и ресурсов на переориентацию торговых, технологических и иных потоков и перестройку экономики, не говоря уже о прямых ограничениях против российских граждан, в частности ущемление прав свободы передвижения, снижение возможностей получения медицинской помощи за рубежом и пр. Подверженность описанным рискам и возможности адаптации могли существенно различаться между регионами России [9–12]: территории, более интегрированные в глобальную экономику, в том числе приграничные с ЕС, могли пострадать сильнее. Региональным властям приходилось применять комплекс мер для сохранения уровня благосостояния жителей в зависимости от подверженности указанным рискам [13].

Цель статьи — предложить и апробировать методику оценки подверженности отдельных территорий стран рискам санкционных ограничений на примере регионов России.

Методика

На основе обзора литературы о неоднозначном и разнонаправленном влиянии санкций на экономику стран, подвергшихся внешним ограничениям [5; 7; 10; 11; 14–18] с учетом имеющихся данных был предложен набор показателей для оценки подверженности регионов возможным санкционным рискам¹ (табл. 1).

Таблица 1

Оценка подверженности регионов возможным санкционным рискам

Показатель санкционного риска	Источник данных	Проявление санкционного риска	Регионы с наибольшим значением показателя
Доля экспорта в недружественные страны в общем объеме экспорта региона в 2019—2021 гг.	Федеральная таможенная служба России, данные таможенных служб других стран	Ограничение доступа к высокодоходным рынкам недружественных стран. Необходимость быстрой переориентации торговых потоков, к чему могли быть не готовы транспортные сети при введении глобальных логистических ограничений	Мурманская, Тюменская области, Ямало-Ненецкий автономный округ (АО), Костромская, Сахалинская области
Доля импорта из недружественных стран в общем объеме импорта региона в 2019—2021 гг.	Федеральная таможенная служба России, данные таможенных служб других стран	Разрыв торговых цепочек с крупнейшими партнерами. Ограничения импорта значимой и технологически сложной продукции	Курская область, Республика Дагестан, Хакасия, Карелия, Ямало-Ненецкий АО

¹ Большинство санкционных ограничений может не иметь региональной привязки, например заморозка отдельных счетов граждан, ограничения доступа банков к системе SWIFT, ограничение доступа к финансовым инструментам, в частности страхованию грузов и доступу к капиталу для внешнеторговых операций и др. [19].

Окончание табл. 1

Показатель санкционного риска	Источник данных	Проявление санкционного риска	Регионы с наибольшим значением показателя
Доля импорта в расходах предприятий на сырье, материалы, полуфабрикаты и комплектующие в 2019—2021 гг.	Федеральная служба государственной статистики России (Росстат)	Разрыв производственных цепочек с крупнейшими технологическими партнерами. Ограничения импорта критически важных машин, оборудования и технологий для развития производств	Калининградская, Калужская, Магаданская, Сахалинская области, Приморский край
Доля российских компаний из санкционных списков США и ЕС в выручке всех компаний региона в 2017—2021 г.	СПАРК-Интерфакс	Ограничения доступа к финансовым инструментам и технологиям недружественных стран. Ограничения доступа к высокодоходным рынкам недружественных стран крупнейших предприятий регионов	Вологодская, Архангельская, Челябинская, Курганская, Ярославская области
Доля иностранных компаний из недружественных стран в выручке всех компаний региона в 2018—2020 гг.	СПАРК-Интерфакс	Уход с российского рынка всех компаний недружественных стран с последующим закрытием предприятий и ростом безработицы. Разрыв производственных и иных связей предприятий недружественных стран на территории России с глобальными сетями	Еврейская автономная область, Липецкая область, Чукотский АО, Калужская, Московская области
Доля заявивших об уходе из России компаний в выручке всех компаний региона в 2017—2021 гг.	СПАРК-Интерфакс [20]	Закрытие предприятий и роста безработицы. Потеря управленческих, технологических и иных компетенций из-за ухода компании и релокации российских сотрудников за рубеж. Разрыв связей предприятий уходящих компаний на территории России с глобальными производственными торговыми и иными сетями	Республика Коми, Самарская, Ленинградская, Московская области, г. Москва

Показатели использовались оценочно за 2019—2021 гг. для снижения их межгодовой изменчивости и из-за неоднозначного влияния коронакризиса на

исследуемые характеристики в 2020—2021 гг. Взяты значения до 2022 г., когда против России были введено основное число санкционных ограничений, так как методика предполагает оценку рисков до наступления внешнего шока, в то время как после введения ограничений региональные и федеральные власти начали перестройку экономики, ввели ряд контрсанкционных мер, иными словами, активно влияли на ситуацию, а соответственно, исказили первоначальную оценку рисков.

Во-первых, оцениванию подлежит потенциальное влияние торговых санкций на развитие регионов. Для оценки рисков полного разрыва торговых связей и сужения рынков сбыта продукции для предприятий региона могут быть рассчитаны показатели доли импорта и экспорта, приходящихся на потенциально недружественные страны, в общем объеме импорта и экспорта рассматриваемого региона [15; 17]. Чем выше значение показателя, тем выше подверженность экономики региона потенциальным торговым санкциям, так как требуются существенные усилия для поиска новых рынков, переориентации транспортных потоков, заключения новых договоров. В частности, для России важной стала переориентация на восточный полигон, что в случае западных и северо-западных регионов [21; 22] было сопряжено с многократным ростом транспортных и иных издержек для осуществления бизнесом внешнеторговых операций¹. Если ограничения экспорта из России вели к необходимости его переориентации и снижали прибыль бизнесов и доходную часть бюджета регионов, то ограничения импорта в Россию влияли на возможности закупки технологически сложного оборудования, комплектующих, выполнения производственных заказов. Так, ограничение импорта привело к остановке деятельности многочисленных автомобилестроительных заводов в Ленинградской, Калининградской, Калужской областях, Санкт-Петербурге после исчерпания запасов. Кроме того, были сорваны заказы на производство судов² для рыболовецких компаний, в том числе размещенных за рубежом, в частности в Норвегии и Южной Корее, без возврата предоплаты.

Если регион экспортирует продукцию в недружественные страны, то чаще всего он и является активным импортером из этих стран, а коэффициент корреляции между этими показателями составляет около 0,59 по всей выборке регионов (табл. 2). Это объясняется как географическим положением таких регионов вблизи Европейского рынка, так и особенностями глобальных цепочек добавленной стоимости: импорт материалов из ЕС сопровождается последующим экспортом части готовой продукции в ЕС, например в автомобилестроении. У показателей есть свои недостатки. В частности, существенная часть внешней торговли фиксируется через организации, зарегистрированные в Москве, что искажает региональную структуру.

¹ Россия является уникальным государством, имеющим наибольшее число стран-соседей в мире (особенно учитывая непризнанные государства), с большой территорией, протянувшейся с запада на восток, с выходом к Мировому океану и развитым транспортным комплексом. Поэтому в условиях глобальной экономики ограничения со стороны западных стран не означают прекращения внешней торговли России, а лишь ее переориентацию. Для многих же стран мира, особенно находящихся внутри континентов либо среди недружественных соседей, возможности для подобного маневра существенно меньше. Но и для России увеличение транспортного плеча и переориентация с европейского на азиатский рынок несли значительные издержки и риски для бизнеса и населения.

² Потаева, К. 2022, Верфи не успевают сдать суда для рыболовных компаний из-за санкций, *Ведомости*, URL: <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2022/04/20/919073-verfi-sdat-suda> (дата обращения: 19.02.2024).

Таблица 2

Коэффициенты парных корреляций между показателями санкционных регионов

№	Показатель санкционного риска	2	3	4	5	6	7	8	9
1	Доля экспорта в недружественные страны в общем объеме экспорта региона в 2019—2021 гг., %	0,59	0,06	0,11	-0,22	0,14	0,67	-0,25	-0,23
2	Доля импорта из недружественных стран в общем объеме импорта региона в 2019—2021 гг., %	1	0,08	0,08	-0,19	0,18	0,66	-0,24	-0,12
3	Доля импорта в расходах предприятий на сырье, материалы, полуфабрикаты и комплектующие в 2019—2021 гг., %	—	1	-0,07	0,34	0,12	0,46	-0,3	0,01
4	Доля российских компаний из санкционных списков США и ЕС в выручке всех компаний региона в 2017—2021 гг., %	—	—	1	-0,07	-0,04	0,27	-0,06	-0,04
5	Доля иностранных компаний из недружественных стран в выручке всех компаний региона в 2018—2020 гг., %	—	—	—	1	0,09	0,31	-0,19	0,09
6	Доля заявивших об уходе из России компаний в выручке всех компаний региона в 2017—2021 гг., %	—	—	—	—	1	0,5	-0,15	-0,05
7	Индекс подверженности санкционным рискам по регионам России	—	—	—	—	—	1	-0,41	-0,14
8	Индекс выпуска товаров и услуг по базовым видам экономической деятельности в 2022 г.	—	—	—	—	—	—	1	0,13
9	Индекс выпуска товаров и услуг по базовым видам экономической деятельности в январе-сентябре 2023 г.	—	—	—	—	—	—	—	1

Также для оценки рисков невозможности импорта критически важных машин, оборудования и технологий для развития производств рассчитывалась доля импорта в расходах предприятий на сырье, материалы, полуфабрикаты и комплектующие для производства и продажи продукции (товаров, работ, услуг), так называемая производственная зависимость от импорта¹. В условиях активного вовлечения большинства стран мира в глобальные цепочки создания добавленной стоимости разрыв этих цепочек ведет к очевидным проблемам с поставками комплектующих, обслуживанием техники и оборудования, сбытом промежуточных товаров и т.д. [16]. Чем выше производственная импортозависимость экономики региона в общем случае, тем выше риски разрыва потенциальных связей из-за прямого влияния санкций, ухода иностранных компаний или роста издержек транспортировки. Расчеты производственной импортозависимости первоначально выполнены для регионов России в работе [23] по методике [24], но в целом могут быть применимы и для других стран, а также с учетом разного состава стран, для которых проводится

¹ «Используется информация Росстата, размещенная в наборе данных «Затраты на производство и реализацию продукции (товаров, работ, услуг)», который формируется на основе статистической формы №1-предприятие, заполняемой организациями крупного и среднего бизнеса» [21].

оценка зависимости. Производственная импортозависимость очень слабо положительно коррелирует с долей импорта из недружественных стран (0,06) и долей экспорта в них (0,11), так как много материалов и комплектующих импортировалось из дружественных и нейтральных стран, в том числе в рамках цепочек внутри Евразийского экономического сообщества (ЕАЭС).

Во-вторых, оцениванию подлежит потенциальное влияние прямых санкционных ограничений для определенных юридических лиц на развитие регионов их регистрации¹. Для российского случая была рассчитана доля организаций, вошедших в санкционные списки США и ЕС, в выручке всех организаций региона. Попадание в эти списки означало невозможность заимствования средств, ограничения в доступе к технологиям, инвестициям, внешней торговле. Ограничения могли привести к закрытию и снижению объемов деятельности предприятий, а соответственно, к последующему росту уровня безработицы в регионе. Санкции против одной компании неизбежно приводят к рискам по всей цепочке добавленной стоимости [25]. Поэтому это влияние было тем сильнее, чем выше была роль выделенных организаций в экономике региона. Впрочем, в предыдущий период санкций 2014—2022 гг. бизнесы в России находили способы обойти санкционные ограничения [18], а санкции не оказали стойкого негативного воздействия на экономические показатели российских компаний, хотя и потери были существенны [26]. В обрабатывающей промышленности 69 % российских компаний заявили о влиянии санкций 2022 г., из них чуть более половины — о негативном характере этого влияния [27], то есть были и те компании, которые или не почувствовали, или оценили влияние как положительное. При этом важны долгосрочные последствия для этих компаний, связанные со снижением доступа к технологиям, потенциальным уменьшением объемов собственных исследований и удорожанием технологического перевооружения, что наблюдалось в Иране [28].

В-третьих, необходимо оценить потенциально негативное влияние ухода иностранных компаний с рынков регионов. Для расчета были выявлены компании, которые на 50 % и более принадлежали юридическим и/или физическим лицам из недружественных стран [17]², а также те, которые заявили о своем полном уходе из России после 2022 г. [20]³. Уход компаний приводил к разрыву связей, приостановке деятельности предприятий, прекращению инвестиций и доступа к новым техно-

¹ Существенным недостатком методики является невозможность учета места реальной деятельности компании, так как, например, в России многие юридические лица зарегистрированы в Москве или в офшорных юрисдикциях (Кипр), хотя ведут деятельность на территории других регионов России.

² Подход имеет ряд ограничений: данные доступны за 2020 г., который отличался снижением экономической активности; за это время могла измениться структура собственности, выручка; учитывались все компании, аффилированные с лицами или организациями из недружественных стран, но преимущественно на Кипре и в меньшей степени в Нидерландах и Великобритании зарегистрированы компании, имеющие российских бенефициаров; не все компании недружественных стран уходили с рынка, и гражданство собственника не всегда было индикатором ухода компании из России; наблюдались процессы перерегистрации собственности без передела рынков; выручка компаний может создаваться не только на российском рынке; регистрация компании может быть не связана с местом ее деятельности. Для некоторого снижения указанных ограничений приведены данные без учета компаний, зарегистрированных на Кипре. Большинство этих компаний принадлежит конечным российским бенефициарам, соответственно, они не могли покинуть российский рынок. Крупнейшие из этих компаний: ПАО «НЛМК», ПАО «ММК», ООО «БКЕ», АО «Рольф» и др.

³ Для этого использовался список иностранных компаний в России, составленный Йельской школой менеджмента [20]. Схожее исследование проведено в Центре стратегических разработок в 2022 г.

логиям и мог повышать число безработных в регионе [29] в зависимости от роли этих компаний в экономике. При этом уход иностранных компаний мог создавать условия для развития отечественного малого и среднего бизнеса, так как открывались новые рыночные ниши [30]. Два рассматриваемых индикатора слабо коррелируют друг с другом (0,09): первый показатель оценивает общую вовлеченность иностранного бизнеса из недружественных стран в экономику региона, а соответственно, максимальную подверженность снижению связей, а второй — возможные риски от ухода отдельных компаний. Отсутствие связи дополнительно показывает, что даже заявленный уход компаний из России напрямую не был связан с угрозой полного ухода всех иностранных компаний.

Для понимания степени подверженности региональных экономик санкционным рискам в комплексе был составлен интегральный индекс на основе шести указанных показателей (табл. 1). Все показатели нормировались по методике линейного масштабирования («макс.-мин.») и суммировались с равными весами, то есть предполагается их равнозначность. Для целей верификации авторы сравнивали различные методики построения индекса (с разными весами и способами суммирования): результаты показали высокую степень корреляции. Как и ожидалось, все значения исходных показателей положительно коррелируют с интегральным индексом (табл. 2), при этом внешнеторговые риски влияют сильнее других.

Используемые индикаторы показывают потенциальную подверженность региональной экономики указанным выше угрозам и рискам. Для расчета значений самого риска требуется понимание уязвимости разных категорий хозяйственных субъектов разным рискам и вероятность их наступления, а также восстановительная и адаптивная способность региональных экономик [31], что не рассматривалось в данном исследовании. Например, доля недружественных стран во внешней торговле региона — это лишь показатель подверженности внешней торговли санкционным ограничениям, но экономика региона может быть слабо уязвима к этому риску, например в том случае, если она в целом ориентирована на внутренний рынок, как экономика Костромской области, Республики Хакасии и т.д. Доля иностранных компаний, которые потенциально могли покинуть Россию (и даже заявляли об этом), может быть слабо связана с реальным закрытием предприятий и приостановкой производств, так как компании не уходили, менялись лишь их бренды, собственники. Таким образом, речь идет о потенциальном влиянии санкционного давления, региональные же экономики могли существенно различаться в фактически наблюдаемой реакции на подобное влияние.

На последнем этапе все показатели и интегральный индекс сравнивались со значениями индекса выпуска товаров и услуг по базовым видам экономической деятельности по имеющимся данным в 2022 г. и в январе — сентябре 2023 г. (далее — индекс выпуска). Последний показатель может служить для косвенной оценки динамики экономики региона, так как исчисляется на основе данных об изменении физического объема сельскохозяйственного, промышленного производства, строительства, оборота торговли, транспортировки и хранения¹. Показатель используется для оперативной оценки, так как расчет валового регионального продукта в российской статистике проводится и публикуется с отставанием в 1,5—2 года. Ожидалось, что каждый из рассматриваемых индикаторов и интегральный индекс будут отрицательно связаны с индексом выпуска, так как описываемые риски в краткосрочном периоде преимущественно реализуются в снижении экономической активности.

¹ Индекс выпуска товаров и услуг по базовым видам экономической деятельности по субъектам Российской Федерации, 2023, *ЕМИСС*, URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/62024#> (дата обращения: 19.02.2024).

Результаты

Торговые санкции против России, введенные после февраля 2022 г., стали причиной разрыва логистических и производственных связей, сужения рынков сбыта и закупки товаров. Почти 40 % компаний¹ использовали иностранные товары и сервисы, отсутствие которых критически могло сказаться на их бизнесе. Сильнее пострадали регионы России, в которых высокая доля экспорта и/или импорта была связана с недружественными странами до введения санкций [32]. Более 90 % экспорта на страны, вводящие санкции, приходилось в Ненецком автономном округе, Костромской и Мурманской областях (рис. 1), высока была эта доля в регионах — экспортёрах энергоресурсов: в Тюменской области, Ханты-Мансийском АО, Татарстане, Коми и Кемеровской области, а также в регионах, ориентированных на экспорт древесины и пиломатериалов в ЕС: Республика Карелия, Архангельская, Вологодская области и Республика Коми. При этом в России доля компаний, которые экспортировали свою продукцию только в недружественные страны, составляла около 18,7 % в 2020 г., но более половины бизнесов — в приграничных с недружественными странами регионах: Псковской, Калининградской, Белгородской, Мурманской областях, Карелии; для импорта аналогичный показатель был около 6 %.

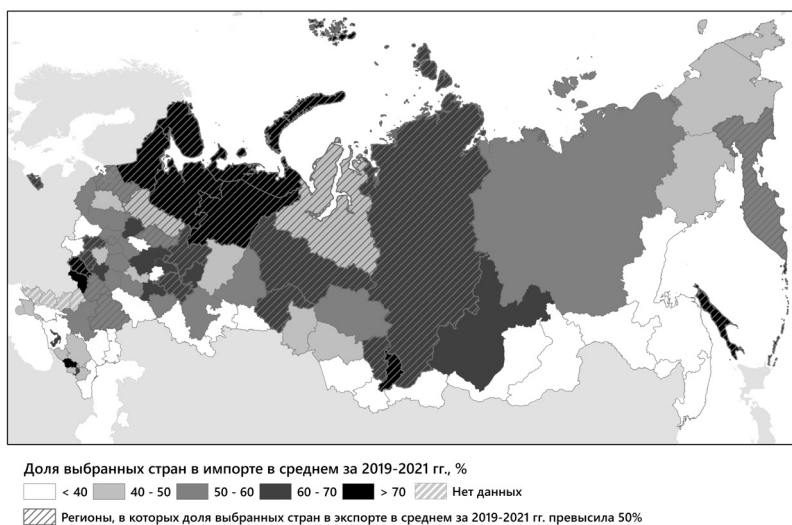

Рис. 1. Роль недружественных стран в импорте и экспорте регионов России

Источник: рассчитано по данным ФТС РФ.

Ниже всего вовлеченность в торговлю со странами, вводящими санкции, отмечается в южных регионах Дальнего Востока, ориентированных на рынки Китая, и на приграничных с Казахстаном территориях. Также обладали меньшей вовлеченностью некоторые крупные диверсифицированные центры, удаленные от границ и ориентированные на внутренний рынок: Пермский край, Челябинская, Омская, Новосибирская области.

Предприятия довольно быстро начали процесс переориентации внешнеторговых потоков. Так, доля недружественных экономик в экспорте из России к концу

¹ Результаты мониторинга «Оценка бизнесом текущего положения компаний и влияния санкций», 2022, Уполномоченный по защите прав предпринимателей в Алтайском крае, URL: <https://ombudsmanbiz22.ru/news/1312> (дата обращения: 19.02.2024).

2022 г. снизилась до 35 %, тогда как еще в начале года занимала 58 %¹; к концу 2023 г. доля экспорта в недружественные страны составляла около 20 %², а в импорте — около 25 %³⁴. Переориентация потоков потребовала существенных вложений инвестиций в инфраструктуру в восточных и приграничных с нейтральными странами регионах России [11]. Коэффициент корреляции доли импорта из недружественных стран с индексом выпуска по базовым видам экономической деятельности в 2022 г. составил $-0,24$ (табл. 2), но снизился во второй половине 2023 г. до $-0,12$ после переориентации потоков, а вот отрицательная корреляция с экспортом сохранилась ($-0,24$), что может быть связано с расширением ограничений в сфере экспорта газа, нефти и нефтепродуктов из России. Низкие значения самого коэффициента корреляции, то есть взаимосвязи экономической динамики и подверженности рискам торговых санкций, могут быть объяснены с существенными запасами предприятий, которые были накоплены как ответ на перманентную угрозу разрыва торговых цепочек, уже наблюдавшегося в период пандемии.

Перечисленные выше регионы, активно вовлеченные в торговлю с западными странами, закупали оборудование этих стран, поэтому в импорте производственных предприятий была высока доля иностранных материалов и комплектующих. Выше эта доля была в регионах, где ранее создавали иностранные автомобилестроительные заводы: Калининградская, Калужская, Ленинградская, Самарская области, Республика Татарстан (рис. 2). Ниже была производственная импортозависимость в наименее развитых регионах, которые слабо интегрированы в глобальные цепочки, а также в регионах центральной части России (Урал и Сибирь), удаленных от мировых торговых потоков. Производственная импортозависимость ожидаемо отрицательно связана с индексом выпуска в 2022 г. ($-0,3$), но коэффициент корреляции стал близок к нулю в январе — сентябре 2023 г. ($0,01$) по мере перенаправления потоков, запуска производств на основе отечественных материалов и комплектующих.

США и страны ЕС ввели санкционные ограничения в отношении 567 юридических лиц (ЮЛ) в России на момент подготовки статьи⁵. Компании из санкционного списка представлены в 53 регионах (60 % от их числа) и составляют примерно 2,3 % выручки всех компаний в России. В санкционных списках представлены крупнейшие банки и предприятия России, в том числе научно-исследовательские организации и высокотехнологичные производства. Высокая доля этих компаний на рынке наблюдалась в нескольких субъектах Российской Федерации с развитой обрабатывающей промышленностью (Вологодская, Архангельская, Челябинская области), а также в Крыму⁶, вошедшем в состав России после 2014 г. (рис. 3).

¹ Россия перенаправила в дружественные страны почти четверть экспорта, 2023, РБК, URL: <https://www.rbc.ru/economics/10/02/2023/63e2411a9a794730042580a5> (дата обращения: 19.02.2024).

² Решетников: доля дружественных стран в экспорте РФ во II полугодии 2023 года превысила 80 %, 2024, ТАСС, URL: <https://tass.ru/ekonomika/19751109> (дата обращения: 19.02.2024).

³ Врио главы ФТС назвал основных импортеров России, 2023, Известия, URL: <https://iz.ru/1572043/2023-09-11/vrio-glavy-fts-nazval-osnovnykh-importerov-rossii> (дата обращения: 19.02.2024).

⁴ При этом в России сохраняется высокая импортозависимость по отдельным высокотехнологичным отраслям (станкостроение, микроэлектроника, авиационная промышленность и др.), что снижает экономическую безопасность наиболее технологически развитых регионов.

⁵ Санкционные списки, 2023, СПАРК-Интерфакс, URL: <https://spark-interfax.ru/quick-search/sanktsionnye-spiski> (дата обращения: 19.02.2024).

⁶ Республика Крым и г. Севастополь являются двумя регионами, хозяйство и жители которых испытывают целенаправленное негативное влияние санкционного давления с 2014 г., прочие же регионы подвержены санкционным рискам косвенно.

Рис. 2. Производственная импортозависимость предприятий регионов России в 2019—2021 гг.

Источник: составлено по данным статьи [23].

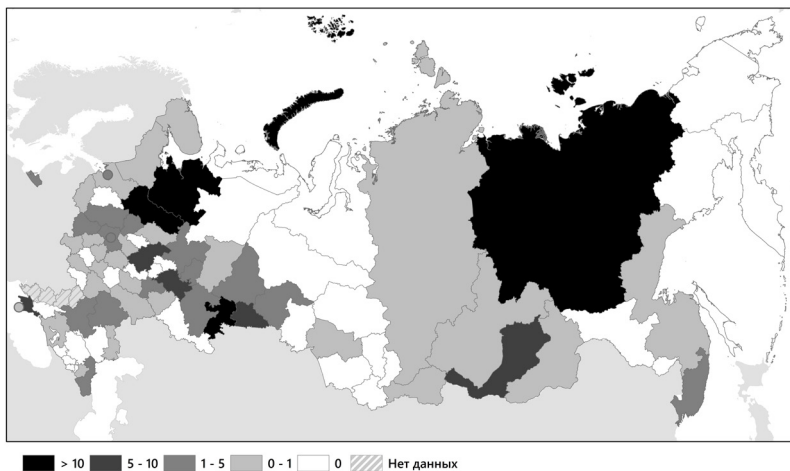

Рис. 3. Оценочная доля ЮЛ, входящих в санкционные списки ЕС и США, в совокупном объеме выручки всех компаний по регионам в 2017—2021 г., %

Источник: рассчитано по данным Росстата и СПАРК-Интерфакс.

Предполагаемое негативное влияние санкций на предприятия на практике не было реализовано из-за их высокой интеграции во внутрироссийское разделение труда и интенсивной политики импортозамещения и увеличения государственных закупок и заказов у предприятий обрабатывающей промышленности. Часть этих предприятий существенно нарастила инвестиции в запасы и расширение фондов внутри страны, в регионах своей деятельности за счет сокращения вложений в зарубежные активы (риски отъема средств) и софинансирования со стороны госу-

дарства. Это, например, можно увидеть по очень низким значениям коэффициента корреляции показателя с индексом выпуска по базовым видам экономической деятельности: если в 2022 г. просматривается слабая отрицательная зависимость ($-0,06$), то во второй половине 2023 г. она почти не прослеживается из-за существенного роста внутреннего спроса.

В России насчитывается 22 906 компаний, на 50 % и более принадлежавших юридическим и/или физическим лицам из недружественных стран в 2020 г. (кроме Кипра). Объем их выручки составлял приблизительно 16 трлн руб., а их доля в выручке всех компаний России — примерно 10 % [17]. Большая часть выручки принадлежала компаниям, чьи собственники зарегистрированы в Нидерландах, Германии, Швейцарии и Франции. Около 52 % выручки этих компаний создавалось в оптовой и розничной торговле, еще 29 % — в обрабатывающих производствах. Высока была доля этих компаний в выручке ряда отраслей сферы услуг: гостиницы и рестораны, финансы, информационно-коммуникационные технологии и торговля. В целом по обрабатывающей отрасли эта доля немногим превышала 10 %. В торговле и сфере услуг одновременно высока доля малого и среднего предпринимательства, ниже барьеры для входа стартапов, а значит, выше возможности заполнения возникавших рыночных ниш после ухода иностранных компаний [30]. В производственных сферах возможности для быстрой перестройки меньше из-за необходимости больших капиталовложений, освоения компетенций, кооперации и других факторов.

Регионы России отличаются высокой неоднородностью по доле выручки, создаваемой иностранными компаниями из недружественных стран (рис. 4). Наиболее высокая доля наблюдалась в ряде крупных индустриальных центров, где иностранные компании были представлены в обрабатывающих производствах (Москва, Московская, Ленинградская, Калужская, Владимирская, Белгородская области, Республика Коми), а также в регионах с выгодным приграничным положением (Калининградская, Ленинградская области, Приморский край). Эти регионы столкнулись с наибольшими рисками [29], но в некоторых из них выше и возможности для развития малых и средних отечественных предприятий в сфере услуг [30], например в крупных агломерациях и вблизи них: в Москве, Московской и Нижегородской областях.

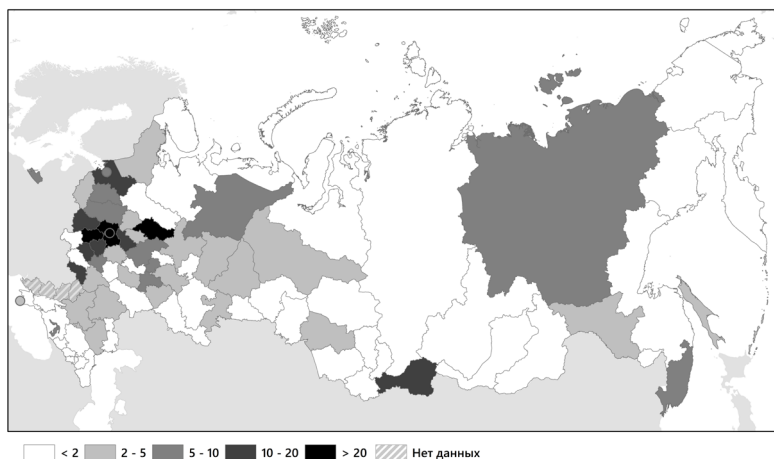

Рис. 4. Оценочная доля иностранных компаний из недружественных стран в совокупном объеме выручки организаций регионов в 2018—2021 гг., %

Источник: рассчитано на основе данных СПАРК-Интерфакс.

Ниже доля компаний из недружественных стран на рынках регионов, менее интегрированных в западные производственные цепочки из-за ориентации на восток (Хабаровский край, Красноярский край, Иркутская область), из-за значимой роли крупных местных бизнесов (Красноярский край, Томская область, Омская область, Башкортостан), из-за неблагоприятного делового климата, например, в некоторых южных регионах.

При этом в 2022 г. если в регионе рассматриваемая доля была высока, то индекс выпуска был ниже (коэффициент корреляции – 0,19), но в первой половине 2023 г. — ситуация обратная (+ 0,09), что может говорить о переориентации потребителей на местные бренды после высвобождения рыночных ниш или сохранении самих предприятий в России после изменения структуры собственности¹.

На середину 2023 г. 890 компаний заявили о полном уходе из России, из них только 462 ранее зарегистрировали юридическое лицо в России, а потому имели официально фиксируемую налоговыми органами выручку [20]. Эти компании имели приблизительно 2,1 % выручки всех компаний в России и были представлены в 41 регионе (46 %). Наибольшая доля крупных иностранных компаний, заявивших о своем уходе², отмечается в Республике Коми (11,5 % выручки обеспечивала только одна компания «Mondi», которая связана с целлюлозно-бумажным производством) и в Самарской области (10 % выручки обеспечивали три компании, связанные с автопромом). Также значимая доля крупных иностранных компаний, заявивших о своем уходе, была (по убыванию) в Ленинградской области, Московской области, Москве и в Свердловской области (рис. 5).

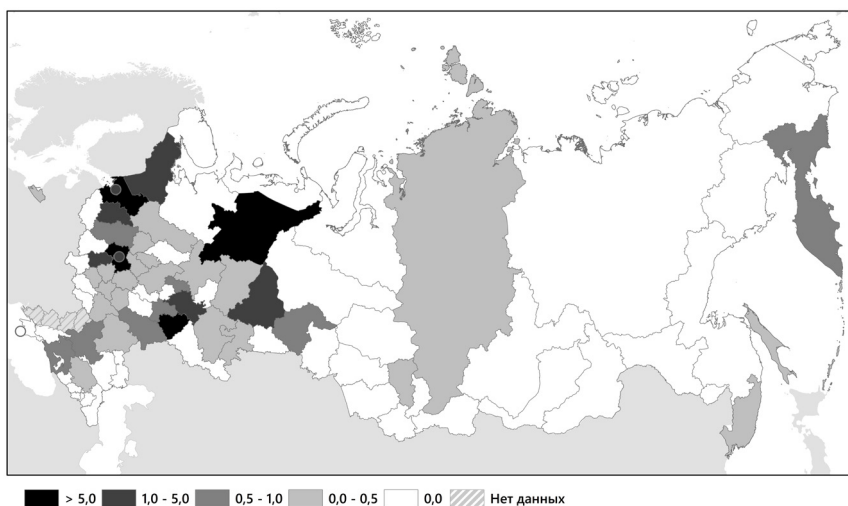

Рис. 5. Оценочная доля заявивших об уходе из России компаний в совокупном объеме выручки по регионам в среднем в 2017–2021 гг., %

Источник: составлено по данным [20].

¹ Например, компания «МакДональдс» формально заявила о своем уходе, но фактически вся сеть предприятий общественного питания практически в полном объеме продолжила свою деятельность под местным брендом «Вкусно и точка».

² Картина иностранного бизнеса, 2022, ЦСР, URL: <https://www.csr.ru/ru/research/kartina-inostrannogo-biznesa-uyti-nelzya-ostatsya/> (дата обращения: 19.02.2024).

Таблица 3

Иностранные компании, заявившие о своем уходе с российского рынка

Регион	Доля иностранных компаний, заявивших о своем уходе с российского рынка, в выручке всех компаний региона в 2017—2021 гг., %	Крупнейшие иностранные компании региона, заявившие о своем уходе с российского рынка
Республика Коми	11,5	Mondi (ЦБП)
Самарская область	10	РЕНО, GM, Форесия (автопром)
Ленинградская область	5,9	Nokian, Ford, ИКЕА, Shneider Electric,
Московская область	5,1	AirBaltic, Ikea, Lufthansa, Toyota и др.
Г. Москва	4,1	Renault, Henkel, Fortum, McDonald's, Adidas, Tetra Pak, Dell
Свердловская область	3,6	Enel, Holcim, Mondi

Источник: составлено по данным из статьи [20].

Индекс выпуска хотя и отрицательно, но слабо коррелирует с заявлениями об уходе иностранных компаний с рынка (-0,14); коэффициент корреляции близок к нулю в 2023 г. (-0,05). Это связано с незначительным влиянием рассматриваемых компаний на экономику большинства регионов (рис. 5). К тому же отдельные фирмы не прекращали фактическую деятельность в России, а лишь заявляли об этом, или продавали свои активы другим собственникам, или передавали их местному менеджменту без существенного периода остановки предприятия.

В завершение был рассчитан интегральный индекс подверженности экономики регионов России санкционным рискам (рис. 6). Выше было значение индекса для экономик северо-западных регионов (Республика Коми, Калининградская, Вологодская, Ленинградская, Архангельская области, Республика Карелия), где сформировались тесные торговые и кооперационные связи с географически близкими странами Европейского союза, а также в автомобилестроительных центрах, интегрированных в глобальные производственные цепочки (Калужская, Ленинградская, Калининградская, Самарская области, Республика Татарстан, г. Москва), откуда ушли транснациональные корпорации-автогиганты. Все три региона на Балтийском море: г. Санкт-Петербург, Калининградская и Ленинградская области, как и ожидалось, оказались подвержены наибольшему влиянию санкционных рисков [33]. Для Калининградской области наиболее значительные санкционные риски стали существенным стимулом кардинальной трансформации экономики и внешне-торговых связей [34].

Пониженная подверженность рискам характерна для многих крупных диверсифицированных регионов с высокой долей обрабатывающей промышленности: Пермский, Хабаровский край, Ростовская, Томская, Новосибирская, Иркутская, Омская, Челябинская, Волгоградская, Воронежская, Брянская, Тульская, Рязанская области, Республика Башкортостан, Удмуртия. В этих регионах действуют крупнейшие производственные предприятия.

Для большинства азиатских и дальневосточных регионов с пониженной и средней подверженностью рискам характерна высокая диверсификация торговых потоков, в том числе ориентация на рынки Азиатско-Тихоокеанского региона: Иркутская, Амурская, Томская области, Хабаровский, Красноярский, Забайкальский край.

Рис. 6. Индекс подверженности санкционным рискам по регионам России

Наименьшее влияние рисков наблюдалось в удаленных от глобальных рынков (Алтайский край, Республики Тыва и Алтай) и менее развитых регионах (Республики Дагестан, Чечня, Калмыкия, Алтай, Тыва), а соответственно, менее вовлеченных в торговлю, производственные и иные связи с развитыми недружественными странами. Республики Северного Кавказа в силу своей близости к нейтральным странам смогли воспользоваться перенаправлением торговых потоков, в том числе в результате разрешения параллельного импорта [17], а также привлекли дополнительных внутренних туристов из-за ограничений на перемещения российских граждан за рубежом.

В регионах с высоким интегральным индексом подверженности санкционным рискам в среднем был ниже индекс выпуска товаров и услуг в 2022 г. (коэффициент корреляции — $-0,41^1$), то есть выше была вероятность того, что региональная экономика не росла. Но уже в январе — сентябре 2023 г. коэффициент корреляции снизился до $-0,14$. Трансформацию экономики регионов подтверждает и тот факт, что в целом экономика России (ВВП) в 2022 г. сократилась на 1,2 % по оценке Росстата², но в 2023 г. выросла на 3,6 %³.

¹ Это максимальное значение коэффициента корреляции по модулю в 2022 г. в сравнении с исходными показателями, что может свидетельствовать о правильной оценке потенциально-го совокупного (комплексного) влияния санкционных рисков на экономическую динамику в регионах. Впрочем, в 2023 г. был выше коэффициент корреляции с долей экспорта в недружественные страны, что может быть связано с внешними ограничениями в торговле нефтью и нефтепродуктами, из-за чего пострадали крупнейшие добывающие регионы.

² Спад экономики в 2022 году оказался меньше, чем в пандемию, 2023, *РБК*, URL: <https://www.rbc.ru/economics/20/02/2023/63f3751b9a7947fbecbdf0c5?from=copy> (дата обращения: 19.02.2024).

³ Росстат представляет первую оценку ВВП за 2023 год, 2024, *Росстат*, URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/313/document/230009> (дата обращения: 19.02.2024).

Таблица 4

**Индекс подверженности санкционным рискам для регионов
с его максимальными и минимальными значениями**

Ранг	Регион	Индекс
<i>Регионы с наиболее высокой подверженностью санкционным рискам</i>		
1	Республика Коми	0,44
2	Калужская область	0,41
3	Калининградская область	0,41
4	Вологодская область	0,38
5	Ленинградская область	0,38
6	Московская область	0,36
7	Архангельская область	0,35
8	Самарская область	0,35
9	Сахалинская область	0,34
10	Липецкая область	0,34
<i>Регионы с наиболее низкой подверженностью санкционным рискам</i>		
76	Хабаровский край	0,12
77	Томская область	0,12
78	Республика Алтай	0,11
79	Республика Тыва	0,09
80	Республика Дагестан	0,08
81	Чеченская Республика	0,08
82	Республика Северная Осетия — Алания	0,08
83	Астраханская область	0,07
84	Алтайский край	0,06
85	Республика Калмыкия	0,02

Заключение и рекомендации

Расширение санкционных и иных схожих для экономики рисков требует большего внимания исследователей, можно даже говорить о появлении нового направления научных исследований — «санкционномики» — об инструментах и последствиях соответствующей политики для хозяйства и населения разных стран и регионов. На наш взгляд, оценка санкционных рисков для регионов как раздел нового направления может иметь некоторое теоретическое значение с точки зрения развития концепции шокоустойчивости (резильентности) экономических систем [35; 36], а с прикладной точки зрения служит целям укрепления экономической безопасности регионов [37].

Как показывает проведенный анализ, санкционные риски оказывают пространственно разнородное влияние. В регионах с более интенсивными связями со странами, вводящими санкции, риски спада экономической активности были выше из-за разрыва поставок, ограничения доступа к рынкам [12]. Впрочем, возможна переориентация торговых потоков при условии наличия финансовых, транспортных, предпринимательских и иных ресурсов и компетенций. Санкции против юридических лиц создают риски снижения экономической активности в регионах регистрации этих организаций из-за ограничений доступа к зарубежным финансам, технологиям, рынкам, но рост спроса на местную продукцию компенсирует это влияние, в том числе за счет госзакупок. К тому же владельцы многих из этих предприятий стремятся снизить риски экспроприации собственности за рубежом, больше инвестируя внутри страны и базовых регионов (вынужденный рещоринг). Уход иностранных компаний приводит к разрыву производственных цепочек, в отдельных случаях — к оттоку специалистов (релокации сотрудников в другие страны), но одновременно высвобождает рыночные ниши для местного бизнеса. В торговле после разрешения

параллельного импорта¹ возникли возможности возникновения и роста малых торговых фирм в регионах, граничащих с дружественными и нейтральными странами [17]. Росли в 2023 г. объемы внутреннего туризма, а соответственно, и сектора услуг из-за ограничений на пересечение границ с недружественными странами. При этом многие риски могут не проявляться напрямую в краткосрочной экономической динамике, например отток и нехватка специалистов из-за релокации или недостаток технологий и невозможность импорта необходимого оборудования.

Оцениваемая в статье подверженность региональных экономик санкционным рискам коррелирует с потенциальным краткосрочным снижением темпов экономического роста, но экономическая динамика зависит от возможностей адаптации бизнесов и жителей, от компетенции властей. В регионах с диверсифицированной экономикой и внешнеторговыми связями [38], с проактивной политикой властей в целом ниже вероятность отрицательных темпов роста; эти регионы могут пользоваться результатами контрсанкционной политики импортозамещения (рост госзаказов, повышенный спрос на отечественные аналоги) и переориентации торговых, инвестиционных и иных потоков. Например, одной из наиболее подверженных санкционным рискам в России оказалась Липецкая область, но регион относительно диверсифицированный, в предыдущие годы власти региона проводили проактивную политику по привлечению инвесторов и развитию обрабатывающей промышленности, в новых условиях повышенный спрос на продукцию металлообработки и машиностроения создал основы для роста экономики. Поэтому хотя выпуск базовых продуктов и услуг в регионе снижался в 2022 г., он рос в январе — сентябре 2023 г.

Какими бы ни были внешние шоки для региональной экономики, необходима долгосрочная стратегия повышения ее резильентности [36]. Такая стратегия может включать широкий набор мер: от повышения транспортной доступности и связанности до диверсификации экономики и внешней торговли. Необходимо привлечение инвесторов из разных стран и регионов, запрет концентрации на одном или нескольких партнерах. Возможно стимулирование диверсификации внешнеторговых потоков [38] путем проведения международных форумов, ярмарок, участия делегаций бизнеса в подобных мероприятиях за рубежом. Важно установление широкой сети дружественных, в том числе и личных, связей с регионами-соседями и приморскими регионами [39]. Эффективна стратегия диверсификации экономики региона путем развития взаимодополняемых видов деятельности (умной специализации), достройки цепочек создания стоимости внутри региона [40; 41], усиления государственной поддержки отдельных наиболее импортозависимых отраслей за счет субсидий, вложений в науку и госзакупок [42; 13], стимулирования широкой предпринимательской деятельности, способствующей быстрой адаптации потребительских рынков в условиях шоков [30]. Для снижения импортозависимости потребуется более широкая интеграция образования, науки и производственного сектора с целью разработки новых продуктов и услуг в рамках умной специализации регионов [41]. Отдельным значимым направлением видится подготовка и привлечение кадров в регион в условиях их нехватки [42]. Нелишним будет говорить и о повышении бюджетной шокоустойчивости [43]: низкая и умеренная долговая нагрузка, накопление резервных фондов, номинированных в разных валютах, но хранящихся и инвестируемых внутри своей страны, внедрение запрета на размещения средств в одной стране (или потенциальном блоке стран). При этом региональные власти чаще всего решают текущие задачи без должного долгосрочного планирования, что предопределяет потребность в создании агентства развития с широкими полномочиями [39]. Региональным властям следует разработать систему

¹ Ввоз в страну товаров без согласия правообладателя товарного знака.

мониторинга долгосрочных внешних рисков, которые следует учитывать при разработке документов стратегического развития [22; 36]. При этом важно учитывать, что проблема воздействия внешних ограничений на региональные экономики не сводится к сумме локальных рисков, а нуждается в более сложном, системном подходе к оценке и учету рисков в масштабах всей экономики страны.

Исследование выполнено в рамках государственного задания РАНХиГС. Автор благодарит за помощь с расчетами и подготовкой картографического материала А. А. Михайлова, за помощь с получением данных Ю. Д. Землянского, А. Ю. Кнобеля, Р. О. Бобровского, а также рецензентов за полезные комментарии, учтенные при доработке статьи.

Список литературы

1. Goldberg, P. K., Reed, T. 2023, Is the Global Economy Deglobalizing? And if so, why? And what is next?, *National Bureau of Economic Research*, № w31115, <https://doi.org/10.3386/w31115>
2. Жихаревич, Б. С., Климанов, В. В., Марача, В. Г. 2020, Шокоустойчивость территории: концепция, измерение, управление, *Региональные исследования*, № 3, с. 4—15. EDN: PJCFKB
3. Timofeev, I. 2022, Sanctions on Russia: A New Chapter, *Russia in Global Affairs*, vol. 20, № 4, p. 103—119, <https://doi.org/10.31278/1810-6374-2022-20-4-103-119>
4. Panibratov, A., Chen, S. 2022, The impact of economic sanctions on the decision of foreign firms to exit from Russia, *Research Handbook on Foreign Exit, Relocation and Re-entry: Theoretical Perspectives and Empirical Evidence*, p. 159—182.
5. Mahlstein, K., McDaniel, C., Schropp, S., Tsigas, M. 2022, Estimating the economic effects of sanctions on Russia: an allied trade embargo, *The World Economy*, № 11, p. 3344—3383, <https://doi.org/10.1111/twec.13311>
6. Кудрин, А. Л., Мау, В. А., Радыгин, А. Д., Синельников-Мурылев, С. Г. (ред.). 2023, *Российская экономика в 2022 году. Тенденции и перспективы*, вып. 44, Изд-во ин-та Гайдара, 556 с.
7. Ситкевич, Д. А., Стародубровская, И. В. 2022, Кратко-и долгосрочные последствия санкций: опыт Ирана и Югославии, *Вопросы теоретической экономики*, № 3, с. 77—98, https://doi.org/10.52342/2587-7666VTE_2022_3_77_98
8. Кнобель, А., Лощенкова, А., Прока, К., Багдасарян, К. 2019, *Санкции: всерьез и надолго*, ИД «Дело», 82 с.
9. Казанцев, С. В. 2015, Антироссийские санкции и угрозы для субъектов Российской Федерации, *Регион: Экономика и Социология*, № 1, с. 20—38. EDN: ТМНУТН
10. Зубаревич, Н. В. 2022, Регионы России в новых экономических условиях, *Журнал Новой экономической ассоциации*, № 3, с. 226—234, <https://doi.org/10.31737/2221-2264-2022-55-3-15>
11. Li, Z., Li, T. 2022, Economic sanctions and regional differences: evidence from sanctions on Russia, *Sustainability*, vol. 14, № 10, 6112, <https://doi.org/10.3390/su14106112>
12. Kuznetsova, O. V. 2023, New Patterns in the Modern Dynamics of Socioeconomic Development of Russian Regions, *Regional Research of Russia*, vol. 13, p. 671—681, <https://doi.org/10.1134/S2079970523700995>
13. Иванов, О. Б., Бухвальд, Е. М. 2022, Санкции и контрмеры в российской экономике (региональный аспект), *ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика*, № 4, с. 7—27, <https://doi.org/10.24412/2071-6435-2022-4-7-27>
14. Кнобель, А. Ю., Прока, К. А., Багдасарян, К. М. 2019, Международные экономические санкции: теория и практика их применения, *Журнал новой экономической ассоциации*, № 3, с. 152—162, <https://doi.org/10.31737/2221-2264-2019-43-3-7>
15. Ушкалова, Д. И. 2022, Внешняя торговля России в условиях санкционного давления, *Журнал Новой экономической ассоциации*, № 3, с. 218—226, <https://doi.org/10.31737/2221-2264-2022-55-3-14>
16. Смородинская, Н. В., Катухов, Д. Д. 2022, Россия в условиях санкций: пределы адаптации, *Вестник Института экономики Российской академии наук*, № 6, с. 52—67, https://doi.org/10.52180/2073-6487_2022_6_52_67

17. Земцов, С. П., Барина, В. А., Михайлов, А. А. 2023, Санкции, уход иностранных компаний и деловая активность в регионах России, *Экономическая политика*, № 2, с. 44—79, <https://doi.org/10.18288/1994-5124-2023-2-44-79>
18. Gaur, A., Settles, A., Väättänen, J. 2023, Do Economic Sanctions Work? Evidence from the Russia-Ukraine Conflict, *Journal of Management Studies*, vol. 60, № 6, <https://doi.org/10.1111/joms.12933>
19. Crozet, M., Hinz, J. 2020, Friendly Fire: The Trade Impact of the Russia Sanctions and Counter-Sanctions, *Economic Policy*, vol. 35, № 101, p. 97—146, <https://doi.org/10.1093/EPOLIC/EIAA006>
20. Бобровский, Р. О. 2023, Роль уходящих иностранных компаний в экономике регионов России, *Федерализм*, т. 28, № 2, с. 197—219, <https://doi.org/10.21686/2073-1051-2023-2-197-219>
21. Федоров, Г. М. (ред.). 2021, Экономическая безопасность регионов Западного порубежья России, *Издательство БФУ им. И. Канта*, 232 с. EDN: FMBXGM
22. Лачининский, С. С. 2022, Геоэкономические риски регионов Российской Балтики в условиях обостряющейся геополитической обстановки, *Балтийский регион*, т. 14, № 2, с. 23—37, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2022-2-2>
23. Землянский, Д. Ю., Чуженькова, В. А. 2023, Производственная зависимость от импорта в российской экономике: региональная проекция, *Известия РАН. Серия географическая*, т. 87, № 5, с. 651—665, <https://doi.org/10.31857/S2587556623050102>. EDN: VZPZLP
24. Березинская, О., Ведев, А. 2015, Производственная зависимость российской промышленности от импорта и механизм стратегического импортозамещения, *Вопросы экономики*, № 1, с. 103—115, <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2015-1-103-115>
25. Sun, J., Makosa, L., Yang, J., Darlington, M., Yin, F., Jachi, M. 2022, Economic sanctions and shared supply chains: A firm-level study of the contagion effects of smart sanctions on the performance of nontargeted firms, *European Management Review*, vol. 19, № 1, p. 92—106, <https://doi.org/10.1111/emre.12497>
26. Зайцев, Ю. К., Лощенкова, А. Н. 2023, Влияние санкций на деятельность российских компаний из обрабатывающего сектора экономики в период 2014—2021 гг., *Журнал Новой экономической ассоциации*, № 3, с. 50—65, https://doi.org/10.31737/22212264_2023_3_50-65
27. Кузык, М. Г., Симачев, Ю. В. 2023, Стратегии адаптации российских компаний к санкциям 2022 г., *Журнал Новой экономической ассоциации*, № 3, с. 172—180, https://doi.org/10.31737/22212264_2023_3_172-180. EDN: SPDHBN
28. Cheratian, I., Goltabar, S., Farzanegan, M. R. 2023, Firms persistence under sanctions: Micro-level evidence from Iran, *The World Economy*, vol. 46, № 8, p. 2408—2431, <https://doi.org/10.1111/twec.13378>
29. Землянский, Д. Ю., Калиновский, Л. В., Медведникова, Д. М., Чуженькова, В. А. 2022, Оценка рисков приостановки деятельности иностранных компаний для экономики и рынков труда регионов России, *Экономическое развитие России*, т. 29, № 4, с. 4—14. EDN: QIOIAA
30. Барина, В. А., Земцов, С. П., Царева, Ю. В. 2023, *В поисках предпринимательства в России. Часть I. Что мешает малому и среднему бизнесу развиваться*, ИД «Дело».
31. *World Risk Report 2022*. Ruhr Universitat, 2022.
32. Бабулин, В. Л. 2023, Оценка участия экономических районов России в международном разделении труда, *Региональные исследования*, № 3, с. 37—51, <https://doi.org/10.5922/1994-5280-2023-3-4>. EDN: BUGMQM
33. Zverev, Yu. M. 2023, Three Russian Baltic regions in the context of confrontation between Russia and the West, *Baltic region*, vol. 15, № 4, p. 24—41, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2023-4-2>
34. Kolosov, V. A., Sebentsov, A. B. 2023, The border as a barrier and an incentive for the structural economic transformation of the Kaliningrad exclave, *Baltic region*, № 4, p. 104—123, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2023-4-6>
35. Martin, R. 2012, Regional economic resilience, hysteresis and recessionary shocks, *Journal of economic geography*, vol. 12, № 1, p. 1—32, <https://doi.org/10.1093/jeg/lbr019>
36. Жихаревич, Б. С. 2020, Риски и угрозы в стратегиях российских регионов, *Региональная экономика. Юг России*, т. 8, № 4, с. 19—29, <https://doi.org/10.15688/re.volsu.2020.4.2>

37. Татаркин, А.И., Куклин, А.А. 2012, Изменение парадигмы исследований экономической безопасности региона, *Экономика региона*, №2, с. 25–39, <https://doi.org/10.17059/2012-2-2>
38. Fedyunina, A. A., Simachev, Y. V., Drapkin, I. M. 2023, Intensive and Extensive Margins of Export: Determinants of Economic Growth in Russian Regions under Sanctions, *Economy of Regions*, vol. 19, №3, p. 884–897, <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2023-3-20>
39. Полтерович, В.М. 2023, Догоняющее развитие в условиях санкций: стратегия позитивного сотрудничества, *Terra Economicus*, т. 21, №3, с. 6–16, <https://doi.org/10.18522/2073-6606-2023-21-3-6-16>
40. Куценко, Е.С., Абашкин, В.Л., Исланкина, Е.А. 2019, Фокусировка региональной промышленной политики через отраслевую специализацию, *Вопросы экономики*, №5, с. 65–89, <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2019-5-65-89>
41. Земцов, С., Баринаова, В. 2016, Смена парадигмы региональной инновационной политики в России: от выравнивания к «умной специализации», *Вопросы экономики*, №10, с. 65–81, <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2016-10-65-81>
42. Идрисов, Г.И. 2016, Промышленная политика России в современных условиях, *Научные труды Фонда «Институт экономической политики им. ЕТ Гайдара»*, №169, с. 11–60.
43. Barinova, V., Rochhia, S., Zemtsov, S. 2022, Attracting highly skilled migrants to the Russian regions, *Regional Science Policy Practice*, vol. 14, №1, p. 147–173, <https://doi.org/10.1111/rsp3.12467>
44. Klimanov, V. V., Kazakova, S. M., Mikhaylova, A. A. 2020, Economic and fiscal resilience of Russia's regions, *Regional Science Policy and Practice*, vol. 12, №4, p. 627–640, <https://doi.org/10.1111/rsp3.12282>

Об авторах

Степан Петрович Земцов, кандидат географических наук, директор Центра экономической географии и регионалистики Института прикладных экономических исследований, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при президенте Российской Федерации, Россия

E-mail: Zemtsov@ranepa.ru

<https://orcid.org/0000-0003-1283-0362>

ПРЕДСТАВЛЕНО ДЛЯ ВОЗМОЖНОЙ ПУБЛИКАЦИИ В ОТКРЫТОМ ДОСТУПЕ В СООТВЕТСТВИИ С УСЛОВИЯМИ ЛИЦЕНЗИИ CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

SANCTIONS RISKS AND REGIONAL DEVELOPMENT: RUSSIAN CASE

S. P. Zemtsov

RANEPА,
82, Vernadskogo ave., Moscow, 119571, Russia

Received 06 January 2023
Accepted 29 February 2024
doi: 10.5922/2079-8555-2024-1-2
© Zemtsov, S. P., 2024

Economic sanctions and countersanctions are expanding worldwide, posing spatially heterogeneous threats to most countries. The study aims to develop and test a methodology for assessing regional exposure to sanctions risks using Russian data. The share of foreign trade

with the countries that introduced restrictions can be used to evaluate the exposure to new trade barriers. In several cases, this share exceeded 50 %, necessitating a rapid reorientation of product flows in Nenets, Khanty-Mansiysk Autonomous Areas, Komi, and Murmansk region. The Kaliningrad, Kaluga, and Leningrad regions exhibit high import dependence in the production sector, particularly in the automotive industry, due to their active involvement in global supply chains. Sanctions against large legal entities created risks for the stability of regional economies but the increase in demand for domestic products offset this impact. Foreign enterprises exiting the market posed risks of disrupting production chains but also provided opportunities for local business development. Before some countries introduced sanctions, their companies had held more than 20 % of the market share in Kaluga, Moscow region, and the city of Moscow. However, the share of foreign firms that announced complete withdrawal exceeded 5 % of the market only in the Komi, Samara, Leningrad, and Moscow regions. An integral index of exposure was proposed based on the mentioned indicators. Its value is lower for the regions with a more diversified economy and foreign trade. The greatest risks were observed in the closely connected to the European Union northwestern territories of Russia: Karelia, Komi, Kaliningrad, Leningrad, and Arkhangelsk regions. In 2022, regions with a high index value were more likely to experience a decline in economic activity, but in 2023, this impact was less explicit due to economic adaptation and transformation. Based on the results of the study, some recommendations can be formulated.

Keywords:

sanctions, Russian regions, foreign trade, economic development, import dependence, exit of foreign companies, economic security, resilience

References:

1. Goldberg, P.K., Reed, T. 2023, Is the Global Economy Deglobalizing? And if so, why? And what is next?, *National Bureau of Economic Research*, № w31115, <https://doi.org/10.3386/w31115>
2. Zhikharevich, B. S., Klimanov, V. V., Maracha, V. G. 2020, Resistance of the territory: concept, measurement, governance, *Regional Studies*, № 3, p. 4–15. EDN: PJCFKB (in Russ.).
3. Timofeev, I. 2022, Sanctions on Russia: A New Chapter, *Russia in Global Affairs*, vol. 20, № 4, p. 103–119, <https://doi.org/10.31278/1810-6374-2022-20-4-103-119>
4. Panibratov, A., Chen, S. 2022, The impact of economic sanctions on the decision of foreign firms to exit from Russia, *Research Handbook on Foreign Exit, Relocation and Re-entry: Theoretical Perspectives and Empirical Evidence*, p. 159–182.
5. Mahlstein, K., McDaniel, C., Schropp, S., Tsigas, M. 2022, Estimating the economic effects of sanctions on Russia: an allied trade embargo, *The World Economy*, № 11, p. 3344–3383, <https://doi.org/10.1111/twec.13311>
6. Kudrin, A. L., Mau, V. A., Radygin, A. D., Sinelnikov-Murylev, S. G. (eds.). 2023, *Russian economy in 2022. Trends and prospects*, (Iss. 44), Gaidar Institute Publishing House, 556 p. (in Russ.).
7. Sitkevich, D. A., Starodubrovskaya, I. V. 2022, Short — and long-term effects of sanctions: evidence from Iran and Yugoslavia, *Issues of Economic Theory*, № 3, p. 77–98, https://doi.org/10.52342/2587-7666VTE_2022_3_77_98 (in Russ.).
8. Knobel, A., Loschenkova, A., Proka, K., Bagdasaryan, K. 2019, Sanctions: seriously and for a long time, Delo Publishing House, 82 p. (in Russ.).
9. Kazantsev, S. V. 2015, Anti-Russian sanctions and threats for the subjects of the Russian Federation, *Region: Economics and Sociology*, № 1, p. 20–38. EDN: TMHYTN (in Russ.).
10. Zubarevich, N. V. 2022, Regions of Russia in the new economic realities, *Journal of the New Economic Association*, <https://doi.org/10.31737/2221-2264-2022-55-3-15>, № 3, p. 226–234 (in Russ.).
11. Li, Z., Li, T. 2022, Economic sanctions and regional differences: evidence from sanctions on Russia, *Sustainability*, vol. 14, № 10, 6112, <https://doi.org/10.3390/su14106112>
12. Kuznetsova, O. V. 2023, New Patterns in the Modern Dynamics of Socioeconomic Development of Russian Regions, *Regional Research of Russia*, vol. 13, p. 671–681, <https://doi.org/10.1134/S2079970523700995>

13. Ivanov, O. B., Buchwald, E. M. 2022, Sanctions and Countermeasures in the Economy of Russian Federation (Regional Aspect), *ETAP: Economic Theory, Analysis, Practice*, № 4, p. 7—27, <https://doi.org/10.24412/2071-6435-2022-4-7-27> (in Russ.).
14. Knobel, A. Y., Proka, K. A., Bagdasaryan, K. M. 2019, The Theory and Practice of International Economic Sanctions, *Journal of the New Economic Association*, № 3, p. 152—162, <https://doi.org/10.31737/2221-2264-2019-43-3-7> (in Russ.).
15. Ushkalova, D. I. 2022, Russia's foreign trade under sanctions pressure, *Journal of the New Economic Association*, № 3, p. 218—226, <https://doi.org/10.31737/2221-2264-2022-55-3-14>
16. Smorodinskaya, N. V., Katukov, D. D. 2022, Russia under sanctions: limits of adaptation, *The Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences*, № 6, p. 52—67, https://doi.org/10.52180/2073-6487_2022_6_52_67 (in Russ.).
17. Zemtsov, S. P., Barinova, V. A., Mikhailov, A. A. 2023, Sanctions, Exit of Foreign Companies and Business Activity in the Russian Regions, *Economic Policy*, № 2, p. 44—79, <https://doi.org/10.18288/1994-5124-2023-2-44-79> (in Russ.).
18. Gaur, A., Settles, A., Vääänen, J. 2023, Do Economic Sanctions Work? Evidence from the Russia- Ukraine Conflict, *Journal of Management Studies*, vol. 60, № 6, <https://doi.org/10.1111/joms.12933>
19. Crozet, M., Hinz, J. 2020, Friendly Fire: The Trade Impact of the Russia Sanctions and Counter-Sanctions, *Economic Policy*, vol. 35, № 101, p. 97—146, <https://doi.org/10.1093/EPOLIC/EIAA006>
20. Bobrovskiy, R. O. 2023, The Role of Withdrawing Foreign Companies in the Economy of Russian Regions, *Federalism*, vol. 28, № 2, p. 197—219, <https://doi.org/10.21686/2073-1051-2023-2-197-219> (in Russ.).
21. Fedorov, G. M. 2021, Economic security of the regions of the Western border of Russia, Publishing house of the IKBFU. I. Kant, 232 p. (in Russ.).
22. Lachininskii, S. S. 2022, Geoeconomic risks faced by the Russian Baltic region amid a deteriorating geopolitical situation, *Baltic region*, № 2, p. 23—37, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2022-2-2>
23. Zemlyanskii, D. Yu., Chuzhenkova, V. A. 2023, Production dependence on imports in the Russian economy: regional projection, *Izvestiya Rossiiskoi Akademii Nauk. Seriya Geograficheskaya*, vol. 87, № 5, p. 651—665, <https://doi.org/10.31857/S2587556623050102>. EDN: VZPZLP (in Russ.).
24. Berezinskaya, O., Vedev, A. 2015, Dependency of the Russian industry on imports and the strategy of import substitution industrialization, *Voprosy Ekonomiki*, № 1, p. 103—115, <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2015-1-103-115> (in Russ.).
25. Sun, J., Makosa, L., Yang, J., Darlington, M., Yin, F., Jachi, M. 2022, Economic sanctions and shared supply chains: A firm-level study of the contagion effects of smart sanctions on the performance of nontargeted firms, *European Management Review*, vol. 19, № 1, p. 92—106, <https://doi.org/10.1111/emre.12497>
26. Zaytsev, Yu. K., Loshchenkova, A. N. 2023, The impact of sanctions on the activities of Russian companies in the manufacturing sector of the economy in 2014—2021, № 3, p. 50—65, https://doi.org/10.31737/22212264_2023_3_50-65 (in Russ.).
27. Kuzyk, M. G., Simachev, Yu. V. 2023, Strategies of Russian companies to adapt to the 2022 sanctions, *Journal of the New Economic Association*, vol. 60, № 3, p. 172—180, https://doi.org/10.31737/22212264_2023_3_172-180 (in Russ.).
28. Cheratian, I., Goltabar, S., Farzanegan, M. R. 2023, Firms persistence under sanctions: Micro-level evidence from Iran, *The World Economy*, vol. 46, № 8, p. 2408—2431, <https://doi.org/10.1111/twec.13378>
29. Zemlianskii, D. Yu., Kalinovskii, L. V., Medvednikova, D. M., Chuzhenkova, V. A., 2022, Risk assessment of foreign companies' withdrawal for the economy and labor markets of Russian regions, *Economic Development of Russia*, № 4, p. 4—14. EDN: QIOIAA (in Russ.).
30. Barinova, V. A., Zemtsov, S. P., Tsareva, Yu. V. 2023, *In search of entrepreneurship in Russia. Part I. What prevents small and medium-sized businesses from developing*, Delo Publishing House (in Russ.).
31. *World Risk Report 2022*, Ruhr Universitat, 2022.

32. Baburin, V.L. 2023, Assessment of Russian economic regions involvement in the international division of labor, *Regional Studies*, № 3, p. 37—51, <https://doi.org/10.5922/1994-5280-2023-3-4>. EDN: BUGMQM (in Russ.).
33. Zverev, Yu.M. 2023, Three Russian Baltic regions in the context of confrontation between Russia and the West, *Baltic region*, vol. 15, № 4, p. 24—41, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2023-4-2>
34. Kolosov, V.A., Sebentsov, A.B. 2023, The border as a barrier and an incentive for the structural economic transformation of the Kaliningrad exclave, *Baltic region*, № 4, p. 104—123, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2023-4-6>
35. Martin, R. 2012, Regional economic resilience, hysteresis and recessionary shocks, *Journal of economic geography*, vol. 12, № 1, p. 1—32, <https://doi.org/10.1093/jeg/lbr019>
36. Zhikharevich, B.S. 2020, Risks and threats in Russian regional strategies, *Regional Economy. South of Russia*, vol. 8, № 4, p. 19—29, <https://doi.org/10.15688/re.volsu.2020.4.2> (in Russ.).
37. Tatarin, A.I., Kuklin, A.A. 2012, Changing the paradigm of region's economic security research, *Economy of region*, № 2, p. 25—39, <https://doi.org/10.17059/2012-2-2> (in Russ.).
38. Fedyunina, A.A., Simachev, Y.V., Drapkin, I.M. 2023, Intensive and Extensive Margins of Export: Determinants of Economic Growth in Russian Regions under Sanctions, *Economy of Regions*, vol. 19, № 3, p. 884—897, <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2023-3-20>
39. Polterovich, V.M. 2023, Catch-up development under sanctions: the strategy of positive cooperation, *Terra Economicus*, vol. 21, № 3, p. 6—16, <https://doi.org/10.18522/2073-6606-2023-21-3-6-16> (in Russ.).
40. Kutsenko, E.S., Abashkin, V.L., Islankina, E.A. 2019, Focusing regional industrial policy via sectorial specialization, *Voprosy Ekonomiki*, № 5, p. 65—89, <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2019-5-65-89> (in Russ.).
41. Zemtsov, S., Barinova, V. 2016, The paradigm changing of regional innovation policy in Russia: from equalization to smart specialization, *Voprosy Ekonomiki*, № 10, p. 65—81, <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2016-10-65-81> (in Russ.).
42. Idrisov, G.I. 2016, Towards modern industrial policy for Russia, *Scientific works of the Institute of Economic Policy named after. ET Gaidar*, № 169, p. 11—60 (in Russ.).
43. Barinova, V., Rochhia, S., Zemtsov, S. 2022, Attracting highly skilled migrants to the Russian regions, *Regional Science Policy Practice*, vol. 14, № 1, p. 147—173, <https://doi.org/10.1111/rsp3.12467>
44. Klimanov, V.V., Kazakova, S.M., Mikhaylova, A.A. 2020, Economic and fiscal resilience of Russia's regions, *Regional Science Policy and Practice*, vol. 12, № 4, p. 627—640, <https://doi.org/10.1111/rsp3.12282>

The authors

Dr Stepan P. Zemtsov, RANEPА, Russia.

E-mail: Zemtsov@ranepa.ru

<https://orcid.org/0000-0003-1283-0362>

SUBMITTED FOR POSSIBLE OPEN ACCESS PUBLICATION UNDER THE TERMS AND CONDITIONS OF THE CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) LICENSE ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))